

Протесты в Центральной Азии

ПОНАРС Евразия
Аналитическая записка № 299
Сентябрь 2013 г.

Эрик МакГлинчи
Университет Джорджа Мейсона

Насильственные протесты в Центральной Азии принимают различные формы, равно как и реакция властей на них. В Казахстане насильственные протесты редки и носят экономический характер, в ответ государство зачастую удовлетворяет требования протестующих. В Узбекистане насильственные протесты также редки и зачастую носят исламскую окраску, а ответной реакцией государства являются репрессии. В Киргизстане и Таджикистане насильственные протесты случаются часто и государство идет навстречу требованиям протестующих. В Киргизстане насильственные протесты носят националистический характер, тогда как в Таджикистане – региональный, а порой и сепаратистский характер.

В настоящей статье предпринимается попытка объяснить, почему протесты носят различный характер в государствах Центральной Азии. Первая часть посвящена причинам, порождающим массовые протесты, и анализируется как, помимо постсоветских факторов, советское наследие также предопределяет разные формы выражения протестов. Во второй части рассматривается реакция государства на насильственные протесты и делается вывод, что, вопреки ожиданиям, ответ определяется не грубой принудительной силой, но, скорее, государственной идеологией. К счастью, за исключением Узбекистана, власти центрально-азиатских государств не воспринимают эпизодичную насильственную форму проявления несогласия как фундаментальную угрозу существующей системе правления, и, в результате, они склонны скорее идти навстречу требованиям протестующих, нежели подавлять протестные движения.

Насильственные протесты

За последние два десятилетия Казахстан, Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан прошли через периоды заметных насильственных столкновений между государством и обществом. Насильственные столкновения были более частым явлением в Киргизстане и Таджикистане, нежели в Казахстане и Узбекистане, и это различие в значительной степени является следствием различного способа перехода каждой из этих стран к государственной независимости после распада

Советского Союза. На момент достижения независимости элиты Казахстана и Узбекистана были едины, тогда как в Киргизстане и Таджикистане элиты в то время были разобщены и пребывали в замешательстве, при этом обе страны скатывались к нестабильности. Эти структурные различия хотя и объясняют, почему насильственные протесты случаются в Киргизстане и Таджикистане чаще, чем в Казахстане и Узбекистане, но тем не менее не дают ответа на вопрос, почему насильственные протесты принимают столь разные формы в странах Центральной Азии. До определенной степени, как будет показано далее, это результат непредвиденного стечения обстоятельств. Насилие не было предписано судьбой ни в одной из этих стран. Но вместе с этим также следует отметить, что различие в проявлении протестов в странах Центральной Азии не является лишь следствием случайности. Причины для недовольства, проявленного в ходе насильственных протестов в регионе, уже существовали в этих государствах долгое время.

Насильственные протесты в Казахстане: Жанаозен, 2011 г.

17 человек погибли и еще 100 человек получили ранения в декабре 2011 г. в ходе столкновений между полицией и бастующими нефтяниками в городе Жанаозен на западе Казахстана. Насилие стало кульминацией семимесячной забастовки, в ходе которой рабочие безуспешно требовали повышения зарплаты и улучшения условий безопасности труда. Мирная акция протеста могла бы продолжаться и дальше, если бы вдруг не возникла символическая мишень, на которой бастующие смогли выместить свой гнев. Утром 16 декабря, в рамках подготовки к торжествам по поводу Дня независимости Казахстана, на центральной площади Жанаозена были установлены юрты, трибуна и новогодняя елка. Возмущенные нефтяники снесли праздничные украшения, спровоцировав тем самым жесткую ответную реакцию сил безопасности.

Если бы не этот элемент случайности, то в жанаозенских протестах, носивших чисто экономический характер, не было бы ничего необычного. Экономические требования и протесты, вызванные экономическими требованиями, уже давно не являются в Казахстане чем-то необычным. Например, по сообщению «Комсомольской правды», в июне 1989 г. массовые протесты вспыхнули на Мангышлакском полуострове. Согласно газете, причиной этих протестов стала высокая безработица среди молодежи.¹ В сентябре 1990 г., после взрыва на бериллиевом производстве, в результате которого произошла утечка радиоактивных газов в атмосферу, «десятки тысяч» жителей Усть-Каменогорска вышли на улицы, протестуя против опасных условий труда «на Ульбинском металлургическом заводе». ² Как в результате протестов на Мангышлакском полуострове и в Усть-Каменогорске, так и событий в Жанаозене, центральные

¹ "Conflict in the Soviet Union: The Untold Story of the Clashes in Kazakhstan," Human Rights Watch, 1990, p. 52.

² David Remnick, "Kazakhs Protest After A-Plant Blast Looses Gases," *Washington Post*, September 29, 1990.

власти смягчили свою позицию в отношении протестующих и провели реформы с тем, чтобы удовлетворить требования рабочих.

Насильственные протесты в Узбекистане: Андижан, 2005 г.

12 мая 2005 г. вооруженная толпа штурмовала тюрьму в Андижане, освободив 23 предпринимателей, которые были осуждены по обвинению в исламском экстремизме. Затем, по версии узбекских властей, мятежники и освобожденные предприниматели штурмовали здание областной администрации, захватив находившихся там чиновников в заложники. Когда правительственные войска попытались освободить заложников, восставшие открыли по ним огонь. В столкновении погибли 187 человек, большинство из которых, по официальным данным, были солдаты и мятежники.

Независимые исследователи оспаривают официальную версию андижанских событий. Они считают, что предприниматели не были исламистами, но попросту набожными бизнесменами, которые давали работу значительному количеству местных жителей. Их растущее влияние беспокоило власти, которые сочли заключение этих предпринимателей в тюрьму по обвинению в воинственном исламизме наиболее удобным способом покончить с таким влиянием. 12 мая бизнесмены действительно были вызволены из тюрьмы и протестующие захватили здание областной администрации. По мнению исследователей, последующее насилие было результатом непропорционального применения силы правительственными войсками в отношении невооруженной толпы, собравшейся на центральной площади Андижана.

Как и в случае с Жанаозеном, насилию в Андижане предшествовали протесты, традиция которых уходит в советские времена. К середине 80-х годов прошлого века ослабло влияние Москвы и Ташкента на узбекские провинции. По мере ослабления центральной власти на первый план вышли новые действующие лица – харизматические и реформистски настроенные имамы, у которых появились многочисленные последователи, в частности, в Ферганской долине.³ Летом 1989 г. Москва назначила Ислама Каримова первым секретарем компартии республики в попытке восстановить контроль центральной власти. В отличие от своего предшественника, новый первый секретарь оказался абсолютно нетерпим к харизматическим имамам и неустанно прилагал усилия, чтобы свести их влияние на нет. После достижения Узбекистаном независимости местные исламские лидеры продолжали набирать авторитет и власть. Соответственно, Каримов удвоил свои усилия, прибегая к репрессиям и принуждению, чтобы ограничить их влияние. Насилие в Андижане стало наиболее ярким примером противостояния между обществом и государством, которое принимает религиозные формы и восходит своими корнями в последние годы советского периода.

³ Noah Tucker, "Violent Extremism and Insurgency in Uzbekistan: A Risk Assessment," USAIS, August 2013.

Насильственные протесты в Киргизстане: Ош, 2010 г.

В апреле 2010 г. коалиция северо-киргизских политических сил отстранила от власти президента Курманбека Бакиева. Это была вторая киргизская революция с момента приобретения страной независимости – Бакиев, южанин, выходец из Джалалабадской области, пришел к власти на волне «Тюльпановой революции» марта 2005 г. Примечательно то, что Бакиев оставил на месте систему регионально-кланового патронажа. Апрельская революция 2010 г. была направлена на то, чтобы ослабить региональные сети патронажа, на которые опиралась южно-киргизская элита. С этой целью северная правительственная коалиция решила опереться на представителей узбекского национального меньшинства, проживающего на юге Киргизстана, и, в частности, заручилась поддержкой влиятельного джалалабадского предпринимателя Кадыржана Батырова.

Альянс между центральным правительством и Батыровым был воспринят южными кланами как угроза своей власти и привел к росту напряженности между южными киргизами и узбекским меньшинством, проживающим в Джалалабаде, а также в Оше – крупнейшем городе южного Киргизстана. В июне 2010 г. эта напряженность переросла в столкновения на межнациональной почве. Представители киргизских служб безопасности на юге, сохранившие лояльность южным политикам, и оказавшиеся не в фаворе у центральных властей, медлили с вмешательством. По меньшей мере 350 человек, большинство из них – узбеки, погибли в актах насилия.

Столкновения на межнациональной почве 2010 г. произошли ровно через 20 лет спустя после аналогичных событий в Оше в 1990 г., в результате которых погибли 470 человек, большинство из которых были узбеки. Тогда, как и в 2010 г., конфликт был порожден нарушением статус-кво (который отвечал интересам местной власти) в пользу узбекского меньшинства. В конце 80-х годов прошлого века Ош, как и многие другие киргизские города, испытал наплыв сельского киргизского населения. Однако, в отличие от других городов, в Оше жилищный фонд находился в руках узбекского меньшинства. Для решения этой проблемы ошские городские власти пообещали пришельцам земли колхоза, большинство членов которого были узбеки. В июне 1990 г. власти пересмотрели свое обещание, что спровоцировало киргизских мигрантов на насилие,

Столкновения 90-х годов не имеют никакого отношения к постсоветским проявлениям насилия на межнациональной почве в Киргизстане. Если бы не ошибки, допущенные временным правительством Киргизстана в 2010 г., то кровавые межнациональные столкновения обошли бы республику стороной. Однако события 90-х годов породили прецедент в отношениях между обществом и государством, который может повториться при соответствующих политических обстоятельствах.

Насильственные протесты в Таджикистане: Хорог, 2012 г.

В июле 2012 г. президент Таджикистана Эмомали Рахмон направил в Хорог войска, чтобы задержать предполагаемых убийц генерала Абдулло Назарова, командующего погранвойсками в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО). Боевики, лояльные местному предводителю Толибу Айомбекову, напали на правительственных солдат. В столкновении погибли 17 солдат и 30 боевиков. Следует отметить, что бывший полевой командир сил Объединенной таджикской оппозиции Айомбеков был заместителем генерала Назарова. Это был один из государственных постов, полученный им по условиям соглашения о разделе власти, которое было достигнуто при посредничестве ООН и положило конец пятилетней гражданской войне.

Столкновения в Хорoge в июле прошлого года можно рассматривать с различных точек зрения. Существует мнение, что речь идет о борьбе между группировками коррумпированной политической элиты за контроль над контрабандистскими сетями.⁴ Хорог находится недалеко от Ишкашимского КПП, расположенного на афгано-таджикской границе. Назаров был убит в Ишкашине в ходе спора о том, как поступить с недавно прибывшей партией товаров из Афганистана. Однако другие рассматривают эти события как выражение долгой борьбы ГБАО за освобождение от контроля Душанбе. В мае 1991 г. памирские националисты, вдохновленные движениями за независимость в других частях СССР, сформировали политическую партию Лали Бадахшан, которая после развала Советского Союза стала добиваться отделения от Таджикистана.⁵ Хотя Лали Бадахшан не добился независимости для ГБАО, правительство Таджикистана оставило область под контролем местных властей. Отправка правительственных войск в регион в июле 2012 г. была редким отступлением от правила, нарушением негласной договоренности между центром и периферией, ошибкой, за которую Душанбе заплатило большую цену.

Реакция государства на насильственные протесты

Насильственные протесты в Центральной Азии, в отличие от аналогичных выступлений на Ближнем Востоке, Индостанском полуострове и Северной Африки, носят мимолетный характер и не имеют долгосрочного эффекта. Ключевой причиной скоротечности центрально-азиатских протестов является то, что, за исключением Узбекистана, власти в регионе склонны к компромиссу нежели к репрессиям в отношении протестующих. Недовольство на экономической почве в Казахстане, национализм титулярной нации на юге Киргизстана и сепаратизм в Нагорном Бадахшане остаются на высоком уровне, и

⁴ Farhod Milod, "Who Is Tolib Ayombekov?" July 30, 2012 (<http://registan.net/2012/07/30/who-is-tolib-ayombekov/>).

⁵ Sebastien Peyrouse, "Economic Trends As an Identity Marker? The Pamiri Trade Niche with China and Afghanistan," *Problems of Post-Communism* 59, 4 (July 2012): 7.

во всех этих вариантах правительство стремилось смягчить, и не обострять эти проявления недовольства.

Со времен жанаозенских выступлений в Казахстане было множество других протестов: забастовки горняков медных рудников Джекказгана, шахтерские пикеты Караганды, и забастовка металлургов Темиртау. В каждом из этих случаев казахские власти выступали на стороне бастующих. В Киргизстане правительство, возглавляемое северянами, капитулировало перед требованиями южно-киргизских националистов, несмотря на доказательства того, что южные элиты были напрямую причастны к разжиганию межнациональных столкновений в июне 2010. А в Таджикистане центральные власти вернулись к статус-кво и не вмешиваются в повседневное управление Горно-Бадахшанской автономной области.

Примечательно, что ни в одном из этих случаев проявления насильственных протестов не был брошен вызов легитимности центрального правительства. Скорее, уже после этих протестов центральная власть сумела представить их как конфликты, носящие местный или региональный характер.

В отличие от них, правительство Каримова, позиционируя себя как единственный бастион защиты общества от радикального исламизма, подает местные конфликты как кризис, ставящий под угрозу узбекскую национальную идентичность. И хотя, благодаря такому подходу, Каримову удалось заручиться значительной поддержкой среди многих светски-ориентированных узбеков, он вынуждает правительство форсировать события. Исламские протесты в Андижане стали не просто событием местных масштабов, но узбекской национальной проблемой.

К счастью, у узбеков будет шанс пересмотреть алармистский подход нынешних властей к исламизму. Скоро узбекской политической элите придется искать замену семидесятипятилетнему Каримову, у которого проблемы со здоровьем. Преемник Каримова преуспеет, если он последует примеру своих центрально-азиатских визави и не будет ставить легитимность центрального правительства в зависимость от воображаемой борьбы с исламским экстремизмом. Если Ташкент пойдет на это, то протесты предстанут в более объективном свете и станут рассматриваться как то, чем они зачастую и являются на самом деле: выражением недовольства местного характера, а не акциями международного исламизма, стремящегося свергнуть насильственным путем светский автократический режим.

Elliott School of
International Affairs

THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

PONARS ● NEW APPROACHES
E U R A S I A ● TO RESEARCH AND
● SECURITY IN EURASIA

© PONARS Eurasia 2012. Данный текст основан на аналитической записке на английском языке с тем же номером. ПОНАРС Евразия представляет собой международную сеть ученых, разрабатывающих новые подходы к изучению проблем внутренней и внешней политики, безопасности и сотрудничества в России и Евразии. ПОНАРС Евразия базируется в [Институте исследований Европы, России и Евразии \(PERES\)](#) Школы международных отношений им. Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона. Публикация осуществлена при поддержке грантов Корпорации Карнеги в Нью-Йорке и Фонда Джона Д. и Кэтрин Макалтуров. www.ponarseurasia.org